

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О писателях-самоучках. Максим Горький

-----К сведению господ авторов, из произведений которых составлена эта статья: гонорар за статью поступает в фонд по организации в С.-Петербурге детского дома имени Льва Николаевича Толстого.

Орфография и пунктуация авторов сохранена. -----

Надо остановить внимание на участи русской интеллигенции и трагическом характере отношений ее и народа. (А.И.Эртель)

Сейчас народился новый читатель, который хочет не только читать, но и творить. Он не хочет уже больше слушать, что говорят другие, он хочет слушать свою мысль, свое сердце и исполнять призывы их. И вот, мне кажется, сейчас надо собирать эти силы, искать их. (Из письма провинциала, литературного предпринимателя)

За время 1906-10 годов мною прочитано более четырёхсот рукописей, их авторы - "писатели из народа". В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но - в них запечатлены живые человечесьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чём думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы.

Мне кажется, что для вас, читатель, небезынтересно и небесполезно послушать, о чём и как думают несколько сот душ простых людей, живущих где-то рядом с вами.

Я внимательно, как только мог, прочитал все эти тетрадки серой бумаги, экономно исписанные непривычными к перу руками, сделал из них выписки тех мест, которые наиболее поражали меня, сделал выписки из писем авторов, - и предлагаю всё это вашему вниманию, будучи убеждён, что делаю не худое дело.

Разбирая выписки, я был заинтересован частыми совпадениями мыслей у разных людей, разъединённых огромными пространствами; я, как увидите, сгруппировал эти мысли по их сходству, но я делал это не ради вящего торжества какой-нибудь тенденции, а просто из соображений порядка.

Не думаю, чтобы мне удалось одолеть хаос, однако полагаю, что всё-таки несколько облегчил вам труд разобраться в этом материале, который - повторю ещё раз - мне лично кажется очень поучительным.

К Т О А В Т О Р Ы ?

Всех авторов - 348.

Ж и в у т: на заводах, железнодорожных станциях, в фабричных посёлках и деревнях
. 169 в губернских городах ..... 44 "
72 " уездных ..... 41 "
Москве 22
Петербурге .....

Д е л я т с я: на рабочих ..... 114 " крестьян
..... 67 " сапожников
..... 9 " дворников

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru

.....	6 "	извозчиков
.....	5 "	солдат
.....	5 "	портных
.....	4 "	приказчиков
.....	4 "	каторжников
.....	4 "	швей
.....	5 "	горничных
.....	3 "	проституток
.....	2	кухарка
.....	1	торговка
яблоками	1	прачка
.....	1	больничная
сиделка	1	кладбищенский
сторож	1	ночной сторож
.....	1	трубочист
.....	1	швейцар
.....	1	полицейский
.....	1	

Профессии остальных не удалось определить.

Изю всей этой группы одиннадцать человек печатают свои произведения.

Степень грамотности у подавляющего большинства очень низка. Многие адресуют письма и бандероли так: "Италия, Остров Крит" или "Кипр". Довольно часто автор забывает указать свой адрес или даёт его в таком виде: "Усманьского уезда Степану Накляшину, для солдата". "Херсонь, Проховой завод, а если не будет переслать Казань". Нередко письма возвращаются "за неотысканием адресата".

Грамотность рабочих в общем выше грамотности крестьян, и знание литературного языка преобладает у первых.

Ч Т О З А С Т А В Л Я Е Т И Х П И С А Т Ь ?

Двадцать девять человек смотрят на литературу как на отхожий промысел, как на средство заработка. Семь из них – крестьяне, десять – рабочие, один – дворник, один – корзинщик; профессии и сословие остальных не удалось определить.

Вся эта группа – люди очень низкой грамотности. Вот образчики их писаний:

К о р з и н щ и к – автор повести в стихах:

"ДНЕВНИК ПРОСТИТУТКИ

я есть бедный кустарь корзины плету

буду ожидать за мой труд и одобрительного ответу

представте хотя я и бедный а что воображаю

до невозможности презренный металл обожаю

если на моих музолях не один рублик заблестит

сердцу моему это очень польстит."

----- (Это, конечно, безграмотно. Однако – извинительно, ибо вот как пишет "студент юридического факультета":

"Падают осенью листья е н т а р н ы е

С жалобой странною, сонною, жуткою

Осенью звезды поют лучезарныя

Н о ч е ю струнную, н о ч е ю чуткою..."

А в рождественском номере одной крупной провинциальной газеты напечатаны стихи

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
такого рода:

"И только хилыми зарями
Одну надежду я х о л ю,
Что одинокими мечтами
я путь усталый окроплю."

В одном из альманахов помещён такой перл:

"Магазины глухо ставнями
Всюду заперты и спят,
Шевеля уныло п л а в н я м и,
Тучи чудища летят."

Плавники, должно быть, с плавнями смешал поэт.

Текущая литература, как это многократно отмечалось и всё чаще отмечается, изобилует признаками неуважения к русскому языку.)

-----А о проститутке он всё-таки пишет так:

"Она не виновата
Была обольщена и невинность у нее отнята..."

Вообще отношение автора к проститутке гуманное, сердечное. В заключение длинной истории её страданий говорится:

"По всему свету проститутка существует
И всякая нация о ней тоскует
А никто на них внимания не обращает
И в целях добрых не помогает."

Р а б о ч и й - к о ч е г а р:

"Прошу у вас рекомендацию какой-нибудь могущей персоне или быть может вы можете употребить мою способность то есть талант философии тотально натуральной и поэзии, али же покрайней мере дать мне совет что мне делать с этим. Я в последний шесть лет сознал и разработал себе в голове философию тотально, затем доброе чувство поэта и еще отличный талант к музыке, и потому было бы очень жаль оставить это без внимания, которое может совершится малым награждением за мою работу с начала. Для нас понятно чем больше таких людей на земном шаре существует, тем скорее все злое покорится доброму..."

Р а б о ч и й на сахарном заводе:

"Решившись взяться за литературный заработок по случаю того, что читанное мною несколько не лучше как и я могу написать."

К р е с т ь я н и н:

"По слабости здоровья не могуци победить никакого труда физического направления прошу покорно допустить меня в писательство."

К р е с т ь я н и н:

"Как мне стало известно, что сочинители получают за записанный лист большие деньги, то посылаю мое описание одному случаю у нас..."

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
П р о с т и т у т к а, приславшая списанный ею и сильно искажённый "Сон богородицы":

"Желаю бросить мое занятие, а средств не имею и прошу напечатать в издаваемом вами "Вестники Знание" сочиненный мною сон."

Т о р г о в к а я б л о к а м и – автор публицистической статьи:

"Наша благородная полиция, как она оберегает бедный уличный народ и про городскую управу.

Сын мой извеваю сослан на поселение и не могу я ему помочь от своих доходов, а здоровьем он слабый..."

И все двадцать девять мотиваций приблизительно таковы же.

Но вот что пишет та же торговка в своей статье:

"Добрые люди, выслушайте голос простого старого сердца, сердца матери, много плакало оно горькими слезами, ведь бедный не виноват за то, что он родился на божий свет и все вы родились от матерей одинаковым способом, отчего же не уважаете друг другу и спихиваете со свободного места в грязь и нищету и могилу голодную."

Группирую выдержки из писем, в которых проповедь уважения подчёркнута как побудительный мотив к писательству:

С а п о ж н и к:

"Мне хочется вызвать в людях уважение к самим себе, потому что по моему наблюдению над ними они куда лучше, чем думают друг о друге."

К р е с т ь я н и н:

"Вот г-да я вам рассказал историю моей жизни, в моей жизни столько случалось разных похждений и ужасов и бедствий, что с редким человеком может случатся это, не одного радостного дня не видал я в своей жизни, я прошел тернистый путь..."

Нужно, господа, сознать самое полезное сословие в нашем государстве это крестьянство, и потому нужно помочь ему выбратся накультурную дорогу, зачем пренебрегать им ведь он такой же человек, как и другие."

Р а б о ч и й, автор рассказа о том, как мастеровые-шорники издевались над некрасивой робкой барышней, которая часто – и всегда в одно и то же время – проходила мимо их мастерской. Они пугали её, оскорбляли, но вот их мастерской коснулось некое веяние, и, когда они пожелали ближе ознакомиться с ним, к ним пришла многократно оскорблённая ими барышня. Её встретили насмешливо, скептически, но – она победила их недоверие горячею речью о необходимости в людях уважения друг ко другу и о том, что отсутствие этого чувства в человеке служит преградю делу освобождения людей.

В письме, присланном с рукописью, автор говорит:

"Мысль, изложенная в рассказе, не нова, но есть какое-то наивысшее желание поделиться ею."

Д в о р н и к, автор рассказа о кухарке, которая обкрадывала своих хозяев и на деньги, скопленные воровством, освободила из публичного дома свою подругу, бывшую горничную. Пишет:

"Надо глубже видеть жизнь других людей, жить, не понимая, кто вокруг нас, – невозможно, извините, если вы думаете не так."

П р и к а з ч и к, тема его повести такова: служащие в большом магазине обуви внушают одному из товарищей, человеку безвольному и робкому, что он парень редкой красоты и ума и хозяйская дочь засматривается на него. Он долго не верит им, прячется по уголкам, но, незаметно для себя, поддаётся внушению и несмело

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
начинает ухаживать за дочерью хозяина, весёлой гимназисткой. Она немножко кокетничает с ним, он же, искренно увлечённый, объясняется ей в любви. Оскорблённая барышня жалуется отцу на дерзость служащего. Отец дал пощёчину герою, а герой, схватив ножницы, едва не воткнул их в глаза одного из товарищей.

Повесть написана очень плохо, а в письме, приложенном к ней, автор, несколько неожиданно, объясняет свою тему и цель так:

"Надо говорить человеку не только о том, что он плох, да почему он плох, а что хорошо в нём и почему хорошо."

Разноречие между тем, что автор хочет сказать, и тем, что говорит очень частое.

Так, например, п о л и ц е й с к и й, написавший в форме диалога историю двух малолетних проституток, историю очень грубую и страшную своими подробностями, говорит в письме:

"Человек я малообразованный, да и не такого возраста, чтобы надеяться, что из труда моего выйдет путное, 38 лет мне уже. Писал для специалиста в деле знакомства с жизнью, чтобы через вас внушить людям: пора нам, русским, иметь одну родную сердцу мысль или, как называется, идею, которая всех бы нас собрала во единое. Это надобно внушать прежде всего: человек не игрушка, не на забаву друг другу родились мы."

Забота о человеке, желание вызвать к жизни человеческое, проповедь уважения к человеку – мотивы вполне ясные у пятидесяти трёх человек.

Р а б о ч и й, токарь, говорит в письме:

"Меня занимает человеческое, очень желается об этом рассказывать, ночей не спишь, но мысли длинные, а привычки выражаться книжными словами нет, так что одно мучение."

Д р у г о й р а б о ч и й, столяр:

"Ничего нет выше на свете, как обучить человека. "Ребенка обучить дать миру человека", сказал Гюго."

Т р е т и й:

"Пишу о любви, потому что пропаганду любви деятельной, а не на словах, ставлю выше всего. Пишу стихами, понимаю, что тут проза не подходит."

Вот образец его поэзии:

"Пусть я грязен и невежда,

Жизнь обломала мне бока

И души моей одежда

Так тесна и узка.

Но – о, братья мои, люди.

Жив я и жива душа,

Пусть что будет, то и буди

Жизнь как утро хороша.

К вам любовью пламенею,

Я горю в ней, как в огне,

Научите – как мне ею

Поделиться с вами мне..."

Этот - сгорел: письмо, посланное ему, возвращено с отметкой: "за смертью адресата".

И з в о з ч и к говорит:

"После славных лет, когда жизнь наша потрясена со всех концов до глубины, требуется теперь нам осмотреть друг друга. Чего нам ждать одному от другого и что делать дальше с пользой для всех. Теперь каждому хочется сказать - а я вот как думаю об этом о жизни, а сказать негде. Мне не требуется денег за мое писание, только пожалуйста напечатайте, подымите дух."

К р е с т ь я н и н пишет:

"В настоящее время приходится стать ближе к природе и смотреть на будущую жизнь открытыми глазами, где правда."

С а п о ж н и к:

"Одиночество и тоска гнетет меня здесь и тянет куда-то и вот по ночам пишу для кого-то, как будто близкого мне, но неизвестно где находящего."

П р о ф е с с и я неизвестна:

"...Я служил мальчиком в сапожном магазине, хозяин послал меня по своим делам, но дорогой меня застал дождь и я должен был укрыться. Оглянувшись кругом, я увидел недалеко книжный магазин, крыльцо которого было с навесом, я спрятался под навес и стал осматривать выставку. Вдруг я заметил небольшую книжку, немедленно я вошел в магазин и купил ее и стал читать. Уж дождь давно перестал, солнце раскинуло свои золотистые лучи, облака поднялись выше, а я еще только что вернулся в магазин. Конечно, я не отделался от подщечин: щедрый доверинный всегда своей широкой ладонью бил с права налево; удары были сильны, но не было больно, только лишь заплакал за то, что мою книжку он скомкал и бросил в мусор. За то с тех пор я стал не спать ночей и все писал, и это писание - не угасимое до сих пор пламя, которое хочет все больше и больше разгореться, но нет тех средств, от чего могло бы ярче разгораться."

Настроение большинства, - как это видно из сказанного выше, - бодрое, дееспособное и часто восторженное.

Вот что пишет один из авторов, профессия и сословие которых мне неведомы:

"Чувствую, растет во мне сила великая", - говорит Илья Муромец старцам, когда выпил здоровую чашу браги; то же самое и я мог бы сказать о себе в духовном отношении. Внешне это было бы неудержимо смешно: я очень мал, слаб и мизерен, и слабею от различных недостатков и переживаний с каждым днем. Досадно мне это, хотелось бы чтонибудь особенно хорошее, милое сделать на свете..."

"кто знает, может я с ума схожу от радости, что живу на белом свете!" - восклицает р а б о ч и й, автор длинного стихотворения "дни осени", написанного в таком тоне:

"Ветер словно пес голодный
За окном уныло воет,
Говорит философ модный:
Вася Демин - жить не стоит!
Угол Васи сыр и темен,
Жизнь полна тоски и зла,
Но - смеется Вася Демин,
Знает Вася: жизнь - светла!

Вася – крепкая натура

И хоть от простуд проклятых

У него температура 38 3/10

Но Василий наш не стонет,

Не опустит он руки,

Ведь болезнь – души не тронет,

Остальное – пустяки!"

Р а б о ч и й железнодорожного депо говорит:

"Я бы не хотел лучшей жизни для себя, в смысле пищи, одежды и жилища, нет, я здоров, могу обходиться самым необходимым, скромно одеться и покушать, вот и все, но мне хотелось бы подь-учиться немного, чтобы то, что накопилось в душе, могло свободно вылиться в слова, а эти мои слова и мысли и чувства прочли бы окружающие и может быть нашли бы в них что нибудь интересное."

Д р у г о й:

"Я самоучка, по профессии слесарь, много лет работал на машиностроительных заводах по России; все это я испытал на своей шкуре, всю суровую жизнь; как говорится прошел все огни и воды и медные трубы, нокакая-то неведомая сила заставляет меня обратиться к писательству."

Т р е т и й:

"Я рабочий, необразован, но я стремлюсь к чемуто, к чему и сам не знаю, а бедность и необразованность прижимают меня к земле и не дают мне возможности выбиться на путь и привести в исполнение мои мечты. Поверите или нет, что я иногда отказываю себе в пище, чтобы приобрести хорошую книжку и часто бывает, что у меня нет денег даже на марку."

П о л и т и ч е с к и й с с ы л ь н ы й:

"Чувствую, что действительно во мне есть какая-то искра, которая, при умелом раздувании, может обратиться во что-нибудь большее... К чему-то рвется душа, к чему-то высокому, светлому, порывается, а кругом скользко, скользко и, обессилев, опять ползешь вниз, чтобы снова кинуться в другую сторону. И вот в этих поисках хорошего светлого и кидается, кидается человек из стороны в сторону, да и сядет в самую что ни на есть грязную лужу..."

"Неведомая сила", "неодолимое тяготение", "нечто сжигающее душу", "что-то" и прочие в этом духе определения, как мотив к писательству, упоминаются в девяности двух случаях.

Нередко автор определённо говорит, для чего именно он написал данную вещь и кто он сам по себе.

"Написал сие элементарное произведение для желающих детально познакомиться с психологией крестьян, и потому описал весь жизненный путь крестьянина; начиная с младенческих лет и до старости. Живя среди крестьян, видевши противоположные культуре стороны, как бедность, темнота и невежество, и смотреть индифферентно на все это, не хватает сил, и потому в моем хотя и примитивном произведении, я хочу показать, как живет самый полезный элемент нашего государства труженик земли русский крестьянин.

Повесть эту я писал под впечатлением затруднявшего меня своим решением вопроса – семья для нас, рабочих, и совмещение этого положения с работой на благо своего класса."

Неизвестной п р о ф е с с и и:

"Я хотел изобразить действительно революционное, полудетски-восторженное и

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.msk.ru
наивное, но прекрасное, искреннее возбуждение лучшей части современного
юношества в лице одного представителя, в лице другого – консервативный,
глубоко-любовный застой, слепое верование, подчиненность и с виду величавую, а
внутренно дряблую, ничтожную крепость также лучших, но отживающих представителей
старого мира. Удалось плохо; на публицистику похоже; никак не мог обойтись без
рассуждений. Теперь, может, лучше написал бы, если бы пришлось заново писать то
же самое, да не приходится, физически не могу."

Слова "глубоко-любовный застой" обращают внимание: мне кажется, надо иметь
какую-то особенную душу, чтобы назвать чуму, например, глубоко любовным
явлением.

Позволю себе привести отрывок из письма "группы читателей ссыльных крестьян и
рабочих" – может быть, этот отрывок несколько объяснит смысл благодушных слов:

"Мы думаем, что злобу жизни следует вскрывать не для возбуждения вражды, а для
стыда. Конечно, пристыженные могут и обозлиться, но это уже не ваше дело, вы
только сами-то не разжигайте злость, о чем и просим."

В другом письме сказано ещё более ясно:

"Все виноваты, всех жалко, замучился, напуган народ, так что если бы мы трое
были судьями, то оправдывали бы всех людей. Не смейтесь, так многие думают,
очень уж устали, а отдохнуть не на чем."

Семнадцать человек кратко и вполне определённо заявляют, как в один голос:
"Люблю писать".

Уместно сказать, что произведения этой группы являются наиболее литературными,
интересными и что-то обещающими. Но, как назло, авторы люди, заключённые в плен
невероятно тяжких условий, а двое из них – в каторге.

"Я даю полный ход вольной, легкой мысли – пускай летает где и как хочет – может
так лучше будет..." – говорит восемнадцатый.

Кладбищенский с т о р о ж пишет:

"Люблю следить, как звонкие слова

Рядами стройными ложатся на бумагу,

От них кружится сладко голова,

А в сердце чувствуешь какую-то отвагу."

-----Если автору этого четверостишия попадётся на глаза моя
заметка, я убедительно прошу его сообщить мне – куда ему писать. Письмо к нему и
рукопись возвращены "за ненахождением адресата", книги и снимки с картин тоже,
хотя были посланы по другому адресу, на Пензу. -----

"Люблю писать стихи.

Не могу не писать.

Зимой уложишь спать жену и ребятишек, сядешь в уголок, к столу и, нанизывая
слово за словом на чистенький листок бумаги, приятно позабудешь всю окружающую
жизнь, зверски-бедную," – пишет крестьянин.

"Мне 23 года. С 15 лет я почувствовал в себе сильное стремление к литературному
труду и вот уже 8 лет мучаюсь этим стремлением."

Н а б о р щ и к в письме:

"Лишился аппетита,

Лишился я сна

И жизнь моя разбита

Поэзия всему вина!

Но - я не виню

Поэзию, боже упаси!

я еще больше мук приму,

Лишь бы научиться писать стихи!"

П о р т н о й пишет:

"Другие страдают запоем, а я, грешник, к писательству пристрастился."

Р а б о ч и й:

"Хотя я и обещал сам себе не писать пока стихотворений, но - не могу утерпеть, что-то невольно тянет меня к перу и я пишу - не для того, чтоб сочинять, а чтобы душу свою вылить в звучных строках, поделиться тоской своей сердечной с кем-нибудь."

Его стихи:

"Как жажду я свободы просвещения Душа болит и ноет в темноте И каждый стон душевного мученья Звучит стихом в житейской пустоте!"

Думаю, что эти выписки достаточно ясно отвечают на вопрос, что именно понуждает простого русского человека писать, и, отчасти, отвечают на другой вопрос:

О Ч Е М О Н И П И Ш У Т ?

Прежде всего невольно останавливает внимание тот факт, что на темы событий 905-6 года крестьяне и рабочие пишут меньше, чем можно бы ожидать, имея в виду непосредственное участие большинства авторов в этих событиях.

Из общей массы рукописей - а их записано мною 429 - только 67 рассказов и 6 пьес посвящены революционным темам. Революционное настроение главным образом выражается в стихах, и здесь оно - преобладает.

Из 73 произведений, написанных на революционные темы, в 27 случаях авторы - рабочие, в 29 - крестьяне, в 3 - пожарный, швея и сапожник.

Следующий за этим и самый значительный, на мой взгляд, факт отрицательное отношение к интеллигенции. Это отношение нередко принимает формы убийственно враждебные и злые. В общем тип интеллигента рисуется как тип барина, привыкшего командовать и пинать, слабовольного, всегда плохо знакомого с действительностью и трусливого в момент опасности.

Это - настроение, но, видимо, очень глубокое, оно как будто всё более разрастается и, может быть, способно ещё расширить давний, многократно оплаканный разрыв между культурными людьми и массой. Поясню это: мне и до 906 года приходилось очень много читать рукописей писателей-самоучек, и я совершенно определённо формулирую моё впечатление от литературы того периода так: почти в каждом рассказе и стихотворении было ясно видно, кого из крупных литераторов читал автор перед тем, как самому взяться за перо. Зависимость от книги сказывалась и в манере писать, и в выборе тем, и в настроении; индивидуальность автора в огромном большинстве случаев была совершенно неуловима, она поглощалась рабским подражанием в прозе Тургеневу, Короленко, Чехову, в стихах - Некрасову, Никитину, Надсону.

В материале, который теперь я имею в руках, - почти совершенно отсутствует подражание. Единственный писатель, техника которого, видимо, влияет на самоучек, - это Андреев, но и подражания ему, будучи очень обильны у студентов и вообще у лиц интеллигентных профессий, - не часты у рабочих и крестьян. В моём материале их - семь, все они являются попытками неудачными и чисто внешними: авторы берут манеру Андреева начинать фразу союзом "и" и безуспешно пытаются придать языку однотонный, гипнотизирующий ритм, свойственный стилю Андреева.

Нередки заявления такого тона:

К р е с т ь я н и н – кончил двухклассное училище:

"Если хотите знать, – то я – я сам, и не поклонник ни Ницше, ни Толстого, ни Сократа, ни Христа. А прямо я – один, и убеждения мои – все мои, родившиеся во мне."

К а т о р ж н и к, бывший матрос:

"Книг прочитано много, а взять в них оказалось нечего, остался сам по себе. Говорят – надо читать старых писателей, те лучше, так пришлите старых."

Человек этот настроен лирически, им написано такое стихотворение:

"Если бы сняли с меня цепи,

я пошел бы в божий храм,

В уголку тихонько стал бы,

Помолился там:

Христе боже! Души слабых

И усталых – пожалей!

Напои сердца их верой,

Луч надежды им пролей!.."

Р а б о ч и й:

"С трудом достанешь растрепанный журнал, придешь с работы и читаешь до света. Вот – свисток и в голове свисток, а на душе – тоска; что вынес я из книги?.. Мутное что-то."

К р е с т ь я н и н, ложкарь:

"Пришлите, Христа ради, хорошего, живого чегонибудь, а это не идет на душу! Слышал – есть поэт Суриков и Слепцов, прозаист, вот их бы мне."

К р е с т ь я н и н:

"Сборники мне не понравились, похабщины у нас и своей довольно, этим нас не удивишь. А вот достал я у священника, о котором писал, Лескова, приложение к "Ниве" – господи помилуй, как хорошо! Такое родное и грустное все, такое близкое душе. Чехова, тоже приложение, прочитал две книжки, хохотал, как чорт. Матери с женой читал, тоже самое, разливаются-хохочут. Вот – и смешно, а мило!"

В списках требований на книги, получаемых от разных групп и лиц, имена старых писателей встречаются всё чаще, из современных же спрашивают почти одного Андреева, причём заметно, что наиболее читаются и нравятся первые три его тома.

Однако надо сказать, что интерес к беллетристике, видимо, вообще понижается: в требованиях преобладают книги по истории, естественным наукам, по истории культуры и литературы. Поражаешься: откуда в посаде Снеговом, Херсонской губернии, или в Осе, Пермской, знают имена Леббока, Тейлора, Циттеля, Тимирязева, – часто спрашивают его чудесную "Жизнь растений", – Бельше и Геккеля.

Очень жутко и больно отмечать рядом со стремлением "человека страшной жизни" к благам культуры его скептицизм и недоверие к интеллигенции. Иногда приходится выступать в совершенно не свойственной мне роли защитника обижаемой интеллигенции, но это не укрощает людей.

В одном случае цитирую слова Н.К.Михайловского: "Русская интеллигенция и русская

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
буржуазия не одно и то же, они, до известной степени, враждебны и должны быть враждебны друг другу". Корреспондент мой, крестьянин, эсер, состоявший в ту пору под судом, зубасто отвечает:

"Нам в степенях разбираться времени нет. Вы меня Михайловским, я вас Щедриным: "Где веселые адвокаты? Адвокаты-то нынче, тетенька, как завидят клиента... Ну, да уж бог с ними! Смирный нынче это народ стал, живут наравне с другими, без результатов..."

Разумеется, это не единственный случай, их немало, и, порою, они очень курьёзны.

Вот, например, отрывок из письма старого знакомого, бывшего рабочего, ныне лесника:

"Переменились наши роли, товарищ: когда-то я вас упрекал за несправедливое отношение к людям, стоящим во главе угла, а теперь вы же мне нотации читаете. Что сей сон значит?"

Я был однажды очень приятно изумлён, получив от одного крестьянина длинное, хоть и безграмотно написанное, стихотворение "Работник мысли". Оно начиналось словами:

"Честь тому, кто за сохой

Спину гнет и в жар, и в холод,

Кто могучею рукой

Поднимает тяжкий молот..."

Затем шло описание труда мыслящего человека и в заключение говорилось:

"Да вспомянем и того,

кто в нужде, как раб в неволе,

Плугом мозга своего

Пашет умственное поле!"

Очень обрадовался, но – вспомнил, что это Фрейлигратом написано, переведено Михайловским.

Приезжают люди из ссылки и рисуют отношения между ссылными интеллигентами, с одной стороны, крестьянами и рабочими – с другой, такими красками, что невольно хочется кричать:

"Дурное – от человека, а человек смертен, хорошее – тоже от него, но оно никогда ещё не умирало вместе с ним! Хорошее цените выше, ему помогайте жить и расти!"

Но возвращаюсь к своему материалу.

Темы моих писателей крайне редко совпадают с темами признанных литераторов. Мне известно, что "Санин" очень усердно читался в рабочей среде, но у меня не было ни одной рукописи, в которой заметно сказалось бы влияние этой книги.

Укажу на то, что большинство пьес пишется под явным влиянием "Жизни человека", "Царя Голода", но и это влияние – внешнее: берут форму, а не настроение автора, не его отношение к жизни.

По вопросу пола написаны два рассказа, причём один из них, имея характер публицистический, представляет собою горячую отповедь "половикам".

"Богоискательство" – течение, столь шумевшее в Петербурге, – не отразилось ни в одной из рукописей, бывших у меня в руках.

Анархизм тоже не отражён.

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
И, наконец, как это, может быть, уже заметно по приведённым выдержкам, – полная и явная разница настроений: в литературе печатной – настроение покаянное, подавленное, анализирующее и пассивное, в литературе писанной настроение активно и бодро.

Привожу примеры.

Вот лирическое сочинение рабочего Малышева, озаглавленное:

" Р О Д Н О М У С Л О В У

Уж много лет своей жизни я прожил – четвертый десяток идет. И за этот период ее – как только сознанием осветилось мое существование – я крепко полюбил тебя, родной мой язык! Я не знал твоих законов, кои должен был класть в основание, при создании твоих форм: я научился в мастерской формовать из твоего золотого песка эти красивые формы, но я всю жизнь одночасно к этому стремился.

В детстве моем, наш сосед, мужик Дементий Девятко, во все праздники и другие дни, когда ему удавалось быть под хмельком, приходил к окошкам нашей избы и, встав в позу взволнованного проповедника, говорил монологи из творцов твоих красивых форм, родное слово! Он, очевидно, только потому и приходил к нашей избе красиво поговорить чужие слова, что я слушал его со слезами на глазах. И я счастлив был при этом слушании: болезненную радостью плясало тогда мое детское сердце, я запоминал периоды и потом, наедине, твердил их сам с собою.

Я с нетерпением ждал праздника или другого случая к хмельному состоянию Дементия Девятка, дабы послушать его красивого говоренья, и, не дождавшись, иногда обращался к нему трезвому с просьбой – поговорить мне по праздничному...

Русский язык! Как ты велик в своих божественных красотах. Как музыкально звучна, как сладостна из уст страдальца льющаяся твоя гармония! Как много чувств божественно-вольных возможно лишь в твою величественно могучую, красиво гибкую форму излить, великий, сладостно звучный, о, божественно страстный русский язык...

Ты, сладостно звучный, божественно страстный русский язык, великий молот, кующий звуками счастье народа! О, ты, могучее колоколо, гулом своим сильным вещающее народу о возможности лучшей жизни, трудом и борьбою достигаемой!"

Вспомните, читатель, ведь это написано человеком, отец которого был крепостной раб, а сам он лишь десятью годами опоздал попасть в рабство.

Понять значение языка – это много, это радует.

"Из всех способностей человека – язык, может быть, единственная, которая не была дана ему природой", – хорошо сказал Вирхов в своей работе о первобытных обитателях Европы.

И разве не весело читать, например, такие филологические изыскания захолустного елатомского человека:

"Просиживаю ночи напролет, изучая русский язык, и чувствую, как душа растет. Читаю слово – свет. А в голове сами собою являются слова: сведать ведать – свет – дать? совет?.. совесть?.. И как будто открываются тайны жизни."

-----Хорошую услугу оказал бы всем этим новым писателям, да и вообще русскому обществу, тот, кто издал бы давно вышедшую из продажи книгу Потебни: "Язык и мысль". За последнее время часто спрашивают "Муки слова" Горнфельда и книгу Энгельмейера – "Теория творчества". Но рабочие и крестьяне, читавшие эти хорошие книги, находят их "трудно написанными" и просят указать "попроче". Такой – не знаю; за указание буду благодарен. -----

Здесь, разумеется, дело не в филологии, а в направлении молодой и живой мысли. Послушайте внимательно, о чём она говорит, о чём поет, – и жить вам будет легче, а работать – веселее!

Вот сестра милосердия:

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

"Вижу, что это непростительно - плохо знать свой родной язык, и решила взяться за него самым серьезным образом. Если бы вы знали, сколько за это время написано и уничтожено мною. Ночью пишу, а утром рву. И учусь в то же время, изучаю девять предметов, чтобы сдать за четыре класса гимназии. Трудно, но все одолею. Живет правда на свете!"

Вот нечто, в особом роде, озаглавленное:

" Б Л А Г О Д А Р Ю , П Р И Р О Д А !

Голодный, босой оборвыш - иду в Москву. Проселками, из Серпухова, ждал-искал работы, объел себя вплоть до костей - иду в Москву!

Поля венчают зеленые короны лесов. Широко, свободно дышать - хорошо!

Степенные мужички попадаются встречу, неприветливо косятся - босяк, жулик?

Хочется сказать им:

"Не бойсь, ребята! Мне обижать людей не к чему".

Да они сами, черти, по роже видят, что не трону, - говорят:

- Мир доро'гой!

- Мир доро'гой, брат! Нет ли куска хлеба?

Конечно, нет! У мужика да хлеб? Дурачина, - ругаю сам себя.

А у какой-то бабищи, в толстой пазухе, нашлась краюшка; потом пахнет от хлеба, а - вкусно!

Сыт. Весело на душе.

- На работу?

- На работу!

- Ты, чай, найдешь.

- я? я ее поймаю, уж я - схвачу!

Чтобы я работать не нашел себе, ежели захотел?"

далее идёт беседа с бабой, подмосковной огородницей, что тоже очень весело и бойко, но - непередаваемо: изобилует подробностями, которые предусмотрены в трёх очень популярных статьях Уложения.

Весёлое сочинение это подписано: "П.Безработный". Автор забыл сообщить свой адрес, бумаги у него не хватило, и последняя из четырнадцати страниц рукописи, написанной карандашом, дописана на куске картона от какой-то коробки.

Вот ещё кусок стихотворения, им начата довольно толстая тетрадь стихов. Автор - крестьянин, 23 лет:

"Люди жизни несчастливой, жизни темной, сиротливой,

Вам я братски посылаю песню легкую мою.

Я пою цветы и травы, дев и женщин смех лукавый,

Радость жизни - нашу юность - нашу родину пою!

О тоске нам много пели, скорбь и горе надоели,

Всем на свете надоело тосковать и унывать,

Надоело спорить, злиться, сердце хочет веселиться,

Руки тянутся к работе – счастье новое ковать!.."

Живёт в деревне, на Урале. В письме пишет:

"Мои любимые писатели – Бунин, Некрасов и Брюсов; Пушкина – читал "Полтаву" и сказки, это не понравилось, говорят – надо все читать, а где достанешь? За Лескова и Печерского очень благодарен, это, действительно, удивительно! Особенно первый, – "Очарованного странника" читая, даже заплакал в двух местах – хорошо!"

"Сердце хочет веселиться" – это, видимо, не случайная обмолвка, ибо о веселье говорят многие.

Вот конец стихотворения одного поэта, ныне уже печатающего свои стихи:

"Пусть печаль убивает меня,

Но за мною по трудной дороге

Идут люди грядущего дня

Веселы и свободны, как боги."

Вот что пишет человек, которого "гнетёт одиночество и тоска" и который "по ночам" пишет "для кого-то, как будто близкого ему, но неизвестно где находящегося":

"Прошли века и народы разных поколений, а мудрецы их – все ищут счастья, и счастья миру не нашли.

К чему стремитесь вы, народы, и зачем фанатизмом творите злобу и войну?

Ведь этим себя лишь вы разите, и противна ваша злоба Моисею и Христу.

Кто жив теперь и остался с нами из всех людей былых веков?

Жив лишь тот, кто творил добро народу и не вмещал себя в условных рамках тупой и пошлой суеты.

Он, как Прометей, свободу, правду, счастье людям ищет и на пути все цепи рвет.

Он часто сам за это гибнет, но честь и слава о нем в народе не умрет.

Старики будут внукам быть рассказывать о былых его делах, а молодежь хороводом о нем громко песню пропоет.

Знаю, тяжела жизнь твоя, скиталец бедный, но позабудь все обиды, печаль, горе и тоску, поднимись и спой-ка песню удалую, чтоб показалась жизнь свободна и легка."

Приведу ещё отрывок из стихотворения, напечатанного в газете "Ясный сокол" за 1909 год; в нём есть строчка, поражающая своим противоречием действительности:

"Да, товарищ. Не время скорбеть.

В нашем мире печалям нет места.

Песни надо иные нам петь,

чтоб в них слышался голос протеста."

Подражая Кольцову, томский рабочий восклицает:

"...встряхнись,

Русь могучая,

И взгляни вперед

Ясным соколом.

Двинь плечом своим,

Да взмахни крылом,

Да оставь врагов

Позади себя!"

Иногда кажется, что люди спорят друг с другом. Вот содержание пьесы крестьянина, названной "Сын отечества":

Приехал в деревню молодой помещик, только что кончивший университет, и предложил крестьянам: он отдаёт им безвозмездно всю свою землю, оставляя для себя несколько десятин, и ставит непременным условием, чтобы мужики работали на своих полях так, как он будет работать на своём поле. Мужики согласны.

Второй акт. Мужики празднуют десятилетие новой жизни: поля у них цветут, урожаи баснословные, огороды, сады – удивительные, водки они не пьют, жён не колотят, школа у них образцовая, в ней обучают и ремёслам, вообще – рай земной! Поют песни, водят хоромы, а когда на праздник является сам культуртрегер и творец новой жизни, – его чествуют душевной речью и называют "настоящим сыном отечества". Всё очень весело и хорошо.

Акт третий. Это благополучие весьма не нравится соседним помещикам, и вот является на сцену исправник в сопровождении стражников, жандармов и разных злорадствующих лиц.

– Это вас зовут "сын отечества"?

– Меня.

– Пожалуйте!

Увезли. Крестьяне ошеломлены, и один из них, весёлый человек, сняв шапку, вслед процессии говорит:

– Вот те и сын отечества!

Занавес.

А вот пьеса – "В тумане иллюзий". Автор её – эмигрант, интеллигент.

В деревню является чета молодожёнов, преисполненная добрыми намерениями; она – учит баб, как надо доить коров, мыть детей и прочему; он – затевает кооперативную лавку, ведёт беседы о человеческом достоинстве, интенсивном хозяйстве, грядковой культуре и тому подобном. Мужики ничего не понимают, кланчат на выпивку, обещая за полведёрка сделать всё, что угодно доброму барину; бабы выпрашивают "обносочки" и ругаются друг с другом; слуги, не чувствуя над собою твёрдой хозяйской руки, ленятся, вещи пропадают; в лесу дерут лыжи, рубят деревья, в полях травят посевы – ад крошечный! В конце четвёртого действия добрые бары совершенно разбиты, подавлены деревенской темнотой и бестолочью и – собираются восвояси, в город.

В первом случае, как видите, изображена неправда, выдумка, а во втором, вероятно, суровая действительность. Но – сквозь выдумку и неправду ясно чувствуется горячее желание новой жизни и вера в человека, даже когда он – барин, старинный враг; а во втором – искренно, хотя и неумело, изображена невозможность жить и работать с мужиком, одичавшим от бедности, пьянства и голода, развращённым побоями. Бездёжно, скорбно и беспросветно.

Если бы я встретил это противоречие пять и десять раз, я счёл бы его случайным и не позволил бы себе остановиться на нём ваше, читатель, внимание, но, встречая его десятки раз, нахожу нужным подчеркнуть.

"Это искусственно подобрано и оттого звучит так громко!" – может подумать

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
читатель.

Но ведь чтобы собрать цветы, надо, чтобы они где-то выросли!

А кроме этого возражения, которое, может, и не будет принято, я советовал бы сопоставить приводимые мною выписки со стихами московских поэтов-самоучек, издавших в Москве в 1909 году коллективный сборник своих стихов ("Галерея современных поэтов". Выпуск первый. Цена 15 к. Москва, 1909 года). Там встретите такие строки калужского крестьянина Савина, автора сборников "Песни рабочего" и "Свободные песни":

"Жизнь есть борьба,
я в ней борюсь,
Пусть бьет судьба
Не покорюсь."

Шкулёва, крестьянина:

"Только трудом
Все мы живем,
Труд наш отец,
Счастья кузнец,
С ним мы порвем
Цепи и гнет,
Смело вперед!"

"Песнь о свободе" рабочего Нечаева, где есть такие строки:

"...ты померкла предо мной...
Но голос твой звенит повсюду,
Как в дни весенние ручей,
И силой властною своей
Вливает страждущему люду
В сердца живительный елей."

Сотрудники этой "Галереи" – рабочие, приказчики, люди тяжкого ежедневного труда, и всё это – люди живой души.

Один из них говорит:

"Я не хочу земли обетованной
Найти в заоблачной выси,
Весь этот мир, живой и многогранный,
Он для меня, как солнце в небеси..."

Другой:

"Хочу я быть певцом отчизны."

Третий:

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
"...я не могу склониться

В мольбе пред тем, кто близок богачу,

А бедных чужд... довольно, не хочу

и не могу я более молиться."

Я обращаю внимание читателя также и на ряд других сборников "писателей из народа", или "самоучек", – просмотрите их, и вы увидите, как велика разница настроений в литературе признанной и в этих тонких книжках, написанных простыми, искренними людьми, которые знают жизнь непосредственно,

Прошу помнить, что я говорю не о талантах, не об искусстве, а о правде, о жизни, а больше всего – о тех, кто дееспособен, бодр духом и умеет любить вечно живое и всё растущее благородное – человечье.

Если сопоставить эту их тяжкую жизнь и бодрые голоса с истерическими, капризными выходками признанных литераторов, "уставших от сложности и напряжённости современной", как они заявляют, если это сравнить – станет понятно враждебное отношение демоса к интеллигенции.

Мне легко было бы привести ещё десяток и больше выдержек из произведений, написанных в таком же бодром, жизненном тоне, но полагаю, что отмеченное достаточно убедительно. Часто авторы рассказывают о себе, и почти всегда чувствуешь в этих рассказах ужимку смущения, застенчивость скромного человека, который нередко хочет скрыться за неуклюжей и шутилой развязностью. Иногда эта развязность неприятно груба и шумна, но это внешнее, это – маска, за которую прячется лицо человека, уже знакомого с чувством уважения к себе.

Приведу одну из таких биографий:

"Первые проблески памяти рисуют мне дерущихся пьяных отца и мать. Помню и смерть матери, но, будучи трехлетним, не понимал своей утраты, даже был доволен, что благодаря этому меня отпустили играть. Шести лет мне чуть не пришлось отправиться вслед за матерью, и черви, расплодившиеся в моих ранах, а также паразиты, и грязь, и смрад очень тому способствовали, но я только оглох на оба уха. Семи лет я в девятнадцать дней окончил курс образования в отцовском университете по новейшему способу преподавания, чтению – по обтрепанным листам календаря, письму – палкой на песке. Пятнадцати лет ходил в Семипалатинск на Святой ключ Абалакской божьей матери просить исцеления от глухоты, но простудился, купаясь в холодном ключе, и, не солоно хлебавши, вернулся домой. Восемнадцатилетним юношей я зажил самостоятельно, научился пикировать на скрипке, стал играть на вечеринках, работал и читал все, что попало, с ненасытной жадностью.

От невыносимой жизни со своим зверем мужем завила моя старшая сестра; вино явилось ей какой-то необходимостью и наконец превратилось в страшную потребность, и когда она разошлась с мужем, то во время запоя была убита. Я видел ее истерзанное тело, видел палку... но не плакал. Лучше – не мучиться теперь... Вторая еще жила кое-как, а третья, девушка, нашла приют в веселых домах. Брат старался перещеголять отца, и только я чувствовал к вину какое-то дикое отвращение. Двадцати четырех лет я бросил гильзовое ремесло и взялся за шапочное. Тогда-то чтение толкнуло меня попробовать стать писателем или поэтом. Первые опыты показали мне удачными, и я решил, что это мое назначение.

И вот муза моя начала мне мешать и спать и работать. Один раз я не мог заснуть девять ночей, воспевая бессонницу, и даже примирился с мыслью сойти с ума, но, на счастье, меня пригласили в один увеселительный притон музыкантом. С радостью ухватился я за это: вечером и ночью играл, утром до обеда спал и в свободное время писал в бане. В то же время отец помер, не получив прощения от изнасилованной им ранее младшей моей сестры.

Около двух лет упражнялся я в стихотворном искусстве и только после того понял, что у меня не достаёт очень важного – знания грамматики, о существовании которой я, признаться, и не подозревал до сего времени, изучить же ее мне представлялось китайской грамотой, и я махнул рукой, надеясь понять премудрости языка, следя за каждым знаком при чтении, – и тем избежать ужасающей меня зубрежки учебника.

Наконец, нашелся один странствующий адвокат, который взял меня к себе, объявив, что гению не место в публичном. Мы жили как братья. Он был настоящая забубенная головушка и в то же время замечательный виртуоз на кварт-гитаре; слушая его вдохновенные фантастические композиции, я рыдал на его плече и тогда впервые почувствовал в своем сердце вдохновенный творческий огонь. Но скоро этот друг запил непробудную, и я убежал от него в мастерскую. Половину работал, половину писал.

В 1905 г. участвовал в освободительном движении, от погрома спасся в деревне. Во время краткой декабрьско-январской свободы на устроенном социал-демократической группой литературном вечере читал свое стихотворение "Егорка", получился успех. После того участвовал в забастовке шапочников. Отсидел полмесяца в тюрьме. Пресса не приняла моих длинных стихов, нужно было коротеньких. Я этого тоже не знал. Пришлось писать на новый лад. Мне удалось и это. Почти все мои стишки были напечатаны, и – так сбылась моя мечта: я попал в печать. Ошиблись все утверждавшие, что это нелепо в моем положении.

Встретил младшую, но уже тридцатилетнюю, сестру, она жила по публичным заведениям, из которых ее часто выгоняли за невозможное пьянство и держали только из жалости... Сестренка моя горемычная. Красавица, гордость и радость моя бывшая. Что осталось от тебя... Что осталось от нашей семьи... В моем кармане хранилось письмо из Барнаула с извещением, что брат чуть не сгорел от вина, а пьянствующую сестру муж избил до полусмерти, выдергал волосы, выбил зубы и проломил скулу молотком... Ух ты! Что это?.."

Что же и о чём может писать человек такой страшной жизни?

Вот несколько отрывков из напечатанных им стихотворений:

"ЖИЗНЬ

Безначальная, бесконечная,
Беспредельная, необъятная,
Неизбежная, непонятная
О, жизнь, стоишь ты предо мной,
Как сфинкс, как тайна роковая,
Очами вечности сверкая,
Дыша бездонной глубиной,
Где зло сливается с добром,
И целый мир, и каждый атом
Слит в поцелуе роковом,
Благословенном и проклятом!..
И мысль в величии своем
Напрасно силы напрягала
И что-то тщетно разбирала
В лице таинственном твоём..."

"ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

я приняла, мой друг, последнее решенье:
Освободить тебя от жизненных цепей...

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Не смерть меня страшит, страшит меня мученье

Безумие души моей.

Но возвращу тебе свободу

я этой страшною ценой,

И на служение народу

Благословляю, милый мой!"

"ОРИОН

Бахрома облаков, расплываясь в пространстве,

Открывает величие вечных чудес

В неизменно-божественно-пышном убранстве

Глубину полуночных небес.

Хороводы светил, с чистотою стыдливой,

Испещряют предвечный незыблемый трон,

И горит и царит красотой горделивой

Всем созвездиям царь – Орион.

Он горит, как вселенной весы золотые,

Для решений верховного правды Суда,

Где бы взвесили споры свои роковые

Жизнь и Смерть и Любовь и Вражда."

"К БУКВЕ

К букве буква, к слову слово

Строки стройные растут,

К жизни светлой, к жизни новой

Безбоязненно зовут.

Час за часом, дни за днями

В Лету падают года.

Жизнь цветет, горит огнями

Всемогущего труда.

Мысль и руки понемногу

В побежденной полумгле

Строят верную дорогу

К царству правды на земле!"

И, когда после таких стихов "человека страшной жизни" прочитаешь жалкое признание культурного человека, который с печальной, некрасивой, а может быть, и мстительной откровенностью прокажённому обнажает гниющие язвы свои:

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
"Я прожить, как мудрый, не умею,

Умереть, как гордый, не могу,

Перед жизнью я сгибаю шею,

Уступаю моему врагу.

Я живу без знания и веры,

В нестихающей вражде с собой;

Позади кошмары и химеры,

Впереди нелепый, дикий бой –"

становится жутко за страну, где интеллигенция почти через каждое десятилетие аккуратнейшим образом с головой погружается в болото фатализма и приходит к самобичеванию и самооплеванию, ошибочно именуя это неизящное занятие самоусовершенствованием.

Искренно говорю – я никого не хочу обидеть. Зачем? Российский интеллигент сам себя превосходно обижает, он делает это всегда с болезненным каким-то усердием и сладострастием, точно Ф.М.Достоевскому экзамен по науке самоистязания сдаёт.

Но – хотелось бы сказать: "Господа, если вас тошнит, не выбегайте на улицу во время этого процесса, по улице живые, здоровые – новые люди и дети ходят, и юноши, а им вредно смотреть, как вас вывёртывает!"

В молодой и милой стране нашей люди юны и чутки и по юности своей чудесно восприимчивы ко всему, а истерия и всякие судороги – заразительны, и это надо бы помнить из уважения к жизни, к родине, к человеку! А из уважения к себе – не кричи, не стнай и, если пришло время умирать – умри в одиночестве, это и красивее и гигиеничнее.

Мне, надеюсь, не поставят в вину такое отступление и не примут его как выходку злую, – я говорю с великою болью за всех, кому больно, с глубокой тоской за всех, кому тошно, но – с ещё бо'льшим страхом за молодых людей, которые поднимаются от земли навстречу культуре, – поднимаются "весело", с "протянутыми к творческой работе руками" и которым вы нужны как друзья, как учителя, а не как примеры всяческих духовных искажений.

Приведу ещё два характерных стихотворения: первое принадлежит перу поволжского крестьянина, второе – человеку, стихи которого уже печатаются в журналах, а приводимое мною его стихотворение напечатано на последней странице сборника "Песни бури", изданного в 1908 году и имеющего всего 9 страниц.

"Мы выходим один за другим

Бесконечную, вечную цепью

Из тяжелого темного рабства

К светлой цели всеобщего братства.

Точно искры, мы гаснем в пути

Душит нас злой вражды темный дым,

Но мы к правде дорогу найдем.

Мы – идем. Неустанно идем!

Еще не смолкнул гром, и ночь еще царит,

Еще безумствует жестокая стихия,

Но близок яркий день: заря уже горит,

Идет великая, свободная Россия!"

В это надо верить, ибо – это говорят те самые люди, которых отцы и деды ваши пятьдесят с лишком лет будили и звали:

"Идите к свету, к разуму, правде и красоте!"

Вот – идут.

Очень может быть, что в моём очаровании бодрими песнями, которые начинает петь русский народ, я и преувеличиваю значение этих песен, если это так – строгий и неподкупный общий наш судья – завтрашний день разочарует меня. Укажу также, что мне известны и я всегда держу в памяти умные и верные слова Гизо:

"Даже не желая обманывать других, писатель начинает с того, что обманывает сам себя: чтобы доказать то, что он считает за истину, он впадает в неточности, которых сам не сознает или которые кажутся ему незначительными, а его страсти заглушают его сомнения".

Но, за всем этим, мне кажется, что наступило время, опровергающее когда-то правильное утверждение В.Н.Майкова и других, кто говорил: "в русском крестьянстве нет идей", у "русского народа множество суеверий, но нет идей", – мне кажется, что в русском народе рождается идея и как раз та, которая может духовно выпрямить его, именно: идея активного отношения к жизни, к людям, к природе.

Наши национальные недуги – фатализм и мистицизм, зараза, введённая в кровь нам вместе с кровью монгольской, болезнь, усиленная теми увечьями, которые нанесены душе русского народа мучительными веками его истории, полной неисчерпаемых ужасов.

Что это так – тому доказательство наш фольклор – собрание гимнов и акафистов разным необоримым силам: Судьбе, Доле, Горю-Злочастью и другим существам, которые непобедимы волею человека и с которыми поэтому бесполезно бороться.

Церковь, не отрицая бытия этих страшных и враждебных человеку сил, назвала их бесовскими, но многие и, вероятно, искренние приверженцы её вполне согласны со словами Святогорца: "Если не верить в существование демонов, то нужно всё священное писание и самую церковь отвергать".

Что фатализм вообще свойствен нам – об этом нелюбезно свидетельствует вся история "умственных увлечений" русской интеллигенции, всегда подбирающей на Западе преимущественно те идеи, которые родственны фатализму.

Сказав: "увлечения", а не "течения", как принято, я не оговорился: течение – нечто последовательное, строгое, творящее традиции и этику, а какие же традиции и какая этика может быть у людей, которые каждое десятилетие меняют верования свои!

Наше несчастье – пассивное отношение к жизни, мы любим быть пессимистами и любим хвастаться своим пессимизмом. При этом нами, кажется, не замечено, что европейский пессимизм является результатом чисто физического утомления – устают люди от большой работы, на которую они непрерывно расходуют свои жизненные силы, видят несоответствие результатов труда с запросами духа и – немного нервничают. Но на Западе пессимизм не ослабляет энергии, не может задержать темпа жизни, там он мирозерцание, не затрудняющее роста культуры, наоборот – он обогащает культуру новыми огнями и цветами гордой человеческой мысли, упорного в своём творчестве духа.

А у нас пессимизм – мироощущение, органический порок, ибо действительность для русского народа не есть плод его познания, результат его деяний, она в его глазах нечто враждебное ему, организирующееся в те или иные формы помимо его воли. Я уже не говорю о том, что пессимизм "по-русски" – в народе выражается в таких формах, каковы самосожжения, "красная смерть", "Терновка" и прочие ужасы, в литературе же – он неуклюж, лишён изящества, мысли и красоты и всюду является

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
чем-то "во сто лошадиных сил".

И вот мне чувствуется, что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это – человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому – дееспособный.

КАКОНИОТНОСЯТСЯКЛИТЕРАТУРЕ?

В общем – с полным сознанием важности дела и глубоким уважением к нему.

Привожу выдержки из писем.

Рабочий:

"Прошу отнестись без пристрастно, если у меня к этому способности и призвание. Если вы найдете есть, я постараюсь развить их; или же, быть может, это одна фантазия, ни на чем не основанная, то, понятно, я брошу и буду искать более подходящего труда."

Другое письмо:

"Автор, молодой рабочий, сидит давно в тюрьме и еще долго сидеть. Имя его должно остаться неизвестным. Он просит вас строже отнестись к наброску и сказать беспристрастно, стоит ли ему писать и как. Он не писатель и не знает, будет ли им когда, но ему больно было бы, если бы он этим наброском оскорбил имя, которому он решил посвятить свою работу."

Крестьянин:

"Посылая вам все мои произведения, покорнейше прошу вас сказать... сказать, положив руку на сердце: какие дефекты имеются в моих произведениях и стоит ли вообще продолжать мне это дело."

Швея:

"Будьте беспощадны."

Рабочий:

"Не постеснитесь сказать правду, как бы она ни была печальна для меня.

Я знаю, что писательство дело святое, я люблю и уважаю литературу, и если что не так – не бойтесь сказать прямо."

Это – преобладающий тон.

Не могу сказать, чтобы люди интеллигентных профессий держались его, и не скажу, чтобы многие из них понимали, что литература – воистину "святое дело".

Вот характерная выдержка из письма курсистки:

"Никакого писательского зуда у меня нет, написала я скуки ради, но вижу, что вышло недурно, во всяком случае значительно лучше многого, что теперь печатают в журналах."

Вот офицер:

"Я понимаю в литературе не меньше вашего и рекомендую мне читать Тургенева, Лесковых да Чеховых и других нигилистов вы не имеете права."

Студент:

"Совершенно не согласен с вашей оценкой моей повести, вы ее просто не поняли. Вы бы почитали Гюйо "Искусство", – без этой книги мое произведение трудно понять, я писал его для натур исключительных."

Вот образчик того, чем он думал угостить читателя:

"За полночь ночи. На дворе - мороз.

При тихой тишине скрипят шаги вдаль; - кто там идет на белом - черный, как кошмар ребенка, тяжелый и немой, как пьяный сон или моя тоска?

Я в комнате сижу один и жду тебя - не ты ли это, не тебя ли души моей палящим оком вдаль, сквозь стену дома я вижу, о, Раиса?"

Чиновник:

"Терпеливо читайте до 28-ой главы. До этой главы покажется старо и шаблонно. От 28 же вы увидите нечто новое, оригинальное. Самая суть в конце, а до 28-ой главы - это ступени лестницы."

Студент:

"В журналы не пройдешь без протекции или не надев на себя хомута партийности; я обращался в два, но бонзы, сидящие там, столько же понимают в искусстве, как я в китайской грамоте или в стихоплетениях В.Иванова."

Такие выходки очень часты, и нередко начинающий писатель из так называемой "культурной среды" производит очень тяжёлое впечатление, - не столько своей развязностью, сколько полным незнанием русской литературы.

Было бы однако несправедливо умолчать о том, что и среди "писателей из народа" встречаются люди крайне развязные, наянливые и - что всего хуже люди, спекулирующие на плохую память тех, к кому они посылают переписанные ими чужие произведения, выдавая их за свои.

В разное время мне прислали: рассказ Ломачевского "Нечистая сила" под изменённым заглавием "Наваждение"; "Витушкина" - Салова; "Принциписты-самоубийцы" - Шкляревского и "Старуху" - Н.Успенского. Называю эти рассказы на случай, если статья моя попадёт в руки господ переписчиков, и покорно прошу их впредь не беспокоиться: русская литература богата, но не столь велика, чтобы можно было незаметно обкрадывать её.

Но и "культурные люди", очевидно, "скуки ради" шутят подобным же образом, с тою разницей, что, будучи грамотны, они немного переделывают переводные рассказы из старых журналов. Тоже бесполезное занятие бесполезное и постыдное.

Т Е М Ы Р А С С К А З О В

Мне кажется, что в выборе тем всего сильнее сказывается разница между настроением интеллигента и "писателя из народа".

Рабочий пишет о том, как грубый, пьяный сторож изменяется под влиянием молодёжи: перестаёт бить жену, взял сына из мастерской и отдал его в школу, а сам начал читать книги.

Студент, ссыльный:

Молодой студент, лесник, весёлый малый, хороший пропагандист и оратор, приехал на лето к дяде, мельнику, и там спивается в компании дяди, урядника, волостного писаря и попа.

Крестьянин:

Учительница, легкомысленная барышня, дворянка, кокетничает с попом, попадья плачет. Приезжают в село власти собирать подати, продаётся крестьянский скот, худоба; плач и рёв, учительница раздаёт свои деньги, умоляет станового прекратить продажу, он смеётся, она его обругала. Её прогнали, уезжая, она трогательно прощается с крестьянами, справедливый старик Кемсков провожает её словами:

"Ничего, не стыдись, за добро твоё тебя гонят, ничего, горлинка".

Дама:

Рассказывает о даме же, которая после нескольких лет на революционной работе – поносит революцию, своих товарищей и всю жизнь за то, что она, героиня, потеряла время любить.

Крестьянин:

Священник доносит на крестьян, приехала власть, двоих расстреляли, священник, спустя некоторое время, служит о них панихиду, Христос с креста смотрит на него косо.

Священник:

Деревенские парни добыли пороху, начинили им крынку и взорвали клеть лавочника; при взрыве оторвало ногу его тётке, старухе. Потом один из парней выдаёт виновных, шестерых увозят в тюрьму. Написано очень зло, со многими текстами из самых сердитых пророков.

Крестьянин:

Взяли парня в солдаты; на войне оторвало ему ногу; возвращается он домой в деревню и узнаёт, что любимая им девушка развращена, хозяйство разорено, мать умерла, отец спился. У него – орден за храбрость, но работы он не находит и, хромой, становится вожаком слепых, – слепых в буквальном смысле.

Эмигрант, партиец:

Солдат, возвратясь с войны, поступает в стражники и терроризирует свою деревню.

Семинарист рассказывает, как удачно он, гостя у попа, ухаживал за деревенскими девушками,

а рабочий весело повествует о том, как, живя в ссылке в глухой деревне севера, он устроил кооперативную лавку.

Подобных противопоставлений можно привести очень много, и они ставят перед читателем два ряда людей, которые в своих взглядах на жизнь и человека, в своём настроении резко и далеко разошлись.

Писатель-самоучка настроен идеалистически – как и следует демократу молодой страны; писатель же интеллигент – скептик, пессимист и нытик. Один ряд людей в самых тяжёлых условиях и положениях упрямо ищет и находит нечто ободряющее, человечье; другой – явно склонен ощущать мрачное, подчёркивать скотское и зверское.

Одни рассказывают о девушке, дочери богатого мироеда, как она, "страдающая за бедных", ворует у отца деньги и тайно, "тихой милостиной", раздаёт их деревенской нищете; о тюремном надзирателе, который, избив политическую арестантку, получил смертный приговор от её партии, а когда его жена упростила заключённую отменить приговор, он, вместе с женой, "удочеряют" безродную "политичку". Заметно вдумчивое отношение даже ко врагу, который завтра же, может быть, схватит автора за горло и ввергнет его во узилище.

Иногда – но не часто! – эти рассказы наивны, их досадно читать, идеализм слишком слащав, паточен, но – вспомнишь условия, в которых всё это пишется, и с великим уважением поклонись этим далёким, новым, стойким людям.

Надо почувствовать то, что лежит под их наивными рассказами, понять, чем вызваны эти длинные, неуклюжие повести, написанные трудным почерком, разбирать который устают глаза, и тогда станет ясна крепкая вера этих духовно здоровых людей в торжество добра, разума и правды.

А рядом с этими малограмотными рассказами приходится читать плоды творчества людей грамотных – становится тяжело, тошно, досадно, и простите! – нестерпимо хочется говорить обидные, злые слова.

Пишут о том, как туп, грязен и скотоподобен русский мужик; читаешь и поражаешься тем малым знанием жизни и людей, той духовной нищетой, которую обнаруживает

автор.

Просишь – почитайте Муйжеля, Подъячева, Крюкова, – они современники ваши, они не льстят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду!

Обижаются и отвечают: не учите!

Я же никогда не учил и не учу, я только рассказываю, а иногда советую.

Рабочий, недавно столь популярный, ныне изображается, по преимуществу, мрачными красками, и читать слово – товарищ, нередко поставленное в кавычках, мучительно стыдно за тех, кто употребляет эти кавычки!

Пишут о "лигах свободной любви", изображают подробно и гадко разные случаи насилий над женщинами, рассказывают – не без любопытства – о женщинах, насилующих гимназистов, о ренегатах-провокаторах, – о мерзостях, всё о мерзостях.

Само собой разумеется, что мерзость надо обличать, и если мужик зверь, надо сказать это, если рабочий говорит:

"Я – пролетарий!" тем же отвратительным тоном человека касты, каким дворянин чудесных рассказов А.Н.Толстого говорит:

"Я дворянин!" – надо этого рабочего нещадно осмеять, но – всё надо делать прежде всего – любя, а затем – знаючи!

А творятся все эти скептические повести разочарованными людьми – без любви, без знаний, без таланта.

Однажды, между прочими вещими словами, Лев Николаевич Толстой сказал:

"Что такое талантливый человек? Это прежде всего человек, который любит. Вот, посмотрите, все влюблённые – талантливы, когда влюблены".

У людей моего круга опыта – нет любви, нет знаний жизни и – ужасное отношение к русскому языку.

После Тургенева, Лескова, Чехова, при Короленко студент второго курса, "изучивший всю русскую литературу назубок", пишет:

"Я утверждаю, что мой труд написан вполне оригинально и посредством одной интуиции, его основной мотив – преобладание в человеке интуитивного над интеллектуальным. Вибрация тембра стиха нимало не совпадает ни с "Демоном", ни с "Онегиным", ни с стихами Брюсова и Бальмонта. Звуковые отношения измышлены мною и моя поэма, утверждать могу, вполне самостоятельна."

Один из героев его поэмы говорит:

"Долой иллюзии! Мы живем в зоологическом саду, а зверей можно перевоспитать только приемами доктора Моро."

А крестьянин-эсер пишет:

"Теперь, когда я прочитал Ключевского и Пыпина, вижу, что неправ был Темкин, говоря, что на Руси никто больше кающегося дворянина не заслуживал поэтического апофеоза. Нет, поэтический апофеоз и терновый венец, и все, чем можно украсить человека, – русскому народу принадлежит."

Сознаюсь, что густота тех выводов, которые у меня получаются, неожиданна и для меня самого, я смущён этой густотой. Когда читаешь одно, два письма, три, четыре рукописи, а затем, через неделю, скажем, другие письма и рукописи, – впечатление от них разобцается, прослаиваясь иными впечатлениями дня, и общее в них становится незаметно. Но, прочитав весь мой материал за один приём, я был поражён и, прямо скажу, несколько испуган противоречием настроений между "человеком страшной жизни" и интеллигентом.

Чтобы читателю было ясно, как далёк я от преувеличений – рекомендую его вниманию

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
"Записки литературного Макара" (Выходит в Москве, выпусками, недавно вышел второй. Изд. типо-литографии Орлова). Автор этих записок рабочий Сивачев, и в них внимательный читатель увидит, чем грозит этот разрыв интеллигенции с народом. Чем он грозит и какие принимает формы.

С другой стороны, напомним, что я пишу в дни, когда возможно шесть изданий книги, в предисловии которой автор, призывая к "созидательной работе", предлагает внести "во глубину России мир, свет и знание", а в тексте книги говорит устами одного из героев, явно сочувствуя ему:

"Если бы у нас в уезде вздёрнули трёх-четырёх..."

И приводит такой диалог:

"- Послушать вас - народ, выходит, совсем зверь.

- Помноженный на скота.

- Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже."

Раньше на такие книги не обращали внимания, а ныне - влиятельной газетой, в которой пишут люди культурные, - злая и тёмная книга эта признана за верное отражение действительности.

А простые русские люди начинают смотреть глубоко вдаль, а не только себе под ноги, как смотрели раньше; вот что, например, пишет один "отец из глухой деревни":

"Сам уж буду жить по-собачьи, недосыпая, недоедая, а дети мои поживут! Увидят, узнают, оценят все лучшее в жизни - науку, искусство, людей - дальних и ближних, и пусть построят - новое."

Мы живём в стране, где слой интеллигенции опасно тонок, - может быть, отчасти поэтому она и неустойчива столь жалобно; мы живём в стране, где всякий серьёзно думающий, любящий, желающий работать человек должен быть ценим высоко, - надеюсь, это не нуждается в доказательствах.

И мне кажется, что именно сейчас, после 1905 года, интеллигент должен бы с великим и особенным вниманием присматриваться к росту новых идей, новых сил в массе "потревоженного" народа - в той почве, которую его отцы в течение долгих лет пахали "плугом ума", к росткам той пашни, на которой они, с великим трудом, сеяли "разумное, доброе, вечное".

Она, посеянная, даёт всходы - ибо никакая энергия не пропадает бесследно.

Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белоруссов - самого забитого народа в России, - на работу людей, сгруппировавшихся вокруг газеты "Наша нива". Позволю себе привести песню, изданную недавно "Нашей нивой", слова написаны белорусским поэтом Янком Купалой:

"А кто там идет по болотам и лесам

Огромной такую толпой?

Белоруссы.

А что они несут на худых плечах,

Что подняли они на худых руках?

Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,

А кому они несут напоказ свою?

На свет божий.

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

А кто ж это их, не один миллион

Кривду несть научил, разбудил их сон?

Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,

Угнетенным века, им, слепым и глухим?

Людьми зваться."

(Прошу Янку Купалу извинить мне дурной перевод его красноречивой и суровой песни).

Чтобы уяснить себе глубокий смысл этой песни, – которая, может быть, на время станет народным гимном белоруссов, – читателю следовало бы посмотреть "Нашу ниву" – она много интересного скажет ему.

Укажу также на быстрый рост татарской прессы и литературы в России, на культурную работу татарской интеллигенции в Казани, Симферополе, Уфе, Баку. Это – явление вчерашнего дня, оно было бы невозможно десять лет тому назад.

Думаю, что мне не надо упоминать об успехе народного университета Шанявского, о стремлении к самообразованию в городах, среди рабочих, и о прочих, всем известных явлениях этого порядка.

Не есть ли это движение народа навстречу культуре? Не оттого ли, что культурная среда в стране слишком разрежена и бедна здоровыми активными идеями, – психика русского интеллигента так неустойчива, расшатана и судорожна в своих проявлениях?

И не станут ли "мудрецы и поэты, хранители тайны и веры", жить здоровее, проще, веселее, и не будет ли творчество их мощнее, если они снова коснутся земли, народа, демократии?

Вильям Джемс, философ и человек редкой духовной красоты, спрашивал:

– Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но – лирический поэт-крестьянин – это для меня загадка. Я мало знаю русскую литературу, но всё, что знаю, рисует русских изумительно, бешено талантливыми людьми. Это проявляется только в области искусства?

-----В. Джемс хорошо знал литературу России, это было ясно из его вопросов и суждений. Библиотека Гарвардского университета имеет прекрасное собрание русских книг, по фольклору – особенно ценное; есть даже такие библиографические редкости, как, например, "Сказания русского народа" Сахарова. Хранитель библиотеки, историк литературы, – имя его я забыл, свободно говорит по-русски, долго жил в России. Кроме него, знает русский язык ещё один профессор этого университета. Должно быть, по их рассказам, Джемс знал о Кольцове, Никитине, Сурикове. -----

Ему рассказали о волжском судоходстве, созданном "простыми", неучёными людьми, о самоучках-техниках, о философе Сковороде, о русских путешественниках, искателях "новой земли".

– Сильный народ у вас! – горячо сказал он. – Естественно, что ваши честные люди так любят его и так героически гибнут за свободу страны... Любовь – живая, деятельная любовь – это и есть рычаг, который повернёт землю к солнцу так, что вся жизнь станет светла, бодра и радостна.

Не будем говорить о любви к народу – кажется, это чувство ныне вызывает улыбки мудрых гимназистов, "уставших от сложности и напряжённости современной".

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
Но напомним ещё раз о необходимости внимания и уважения к народу, народ требует уважения к нему, внимания к его поискам, к работе его проснувшейся мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в журнале "Современный мир", 1911, номер 2, февраль. В 1914 году, с незначительными цензурными изъятиями, выпущено отдельной книгой издательством "Жизнь и знание".

Статья написана не ранее осени 1910 года: в письме от 25 августа 1910 года к одному из начинающих писателей М. Горький сообщал о своем намерении написать статью о писателях-самоучках (Архив А.М. Горького).

Статья "О писателях-самоучках" была высоко оценена выдающимся деятелем большевистской партии С. Шаумяном. В марте 1911 года он писал:

"Тысячи нитей протягивались из сердца пробуждающихся к сознательной жизни, интересующихся литературой "людей из народа" к их славному собрату писателю-самоучке Максиму Горькому. Кто чувствовал потребность излить свои чувства и думы перед близким человеком, в ком зарождалось желание написать что-нибудь, попытать счастья в литературе, посылал ему свои рукописи, письма, стихи. Среди корреспондентов Горького вы встретите рабочих, крестьян, сапожников, дворников, извозчиков, кухарок, горничных, проституток, торговку яблоками, прачку, кладбищенского сторожа, солдата, ссыльных, каторжан и пр. и пр. И все их писания, как видно из статьи, тщательно и с поразительной любовью и вниманием прочитываются и изучаются Горьким. Он переписывается со многими из них, даёт им советы, когда его просят, указывает им, какие книги кому читать, как писать, что делать. Сквозь каждую строчку статьи проглядывает замечательно чуткая, благородная душа автора, отмеченная глубокой любовью к "людям страшной жизни", как он выражается о них. В русской литературе, по крайней мере современной, мы не знаем другого писателя, до такой степени морально чуткого и чистого, как Горький" (С. Шаумян, Литературно-критические статьи, Гослитиздат, М. 1952, стр. 40).

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала "Современный мир".

"Надо остановить внимание...."

- по-видимому, имеется в виду следующее место из письма А.И. Эртеля к М.Н. Чистякову от 10 августа 1881 года: "...меня гораздо более интересует участь интеллигенции и трагический характер её отношения к народу, чем самый народ..." (см. сборник "Письма А.И. Эртеля", М. 1909).

"Сейчас народился новый читатель..."

- цитата взята из письма редактора симбирской газеты "Жизнь" Н.Н. Ильина М. Горькому (1911) (Архив А.М. Горького).

"Русская интеллигенция и русская буржуазия не одно и то же..."

- Высказывания на эту тему встречаются в ряде статей Н.К. Михайловского (см. "Записки современника", 1881-1882, разделы VII, VIII, IX).

"Честь тому, кто за сохой..."

- из стихотворения немецкого поэта Ф. Фрейлиграта "Памяти труженика".

Цитируемый М. Горьким перевод напечатан в сборнике "Песни труда", издание Н. Парамонова, Ростов-на-Дону, 1905.

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
"...переведено Михайловским."

- Имеется в виду переводчик Д.Михаловский.

"Жизнь человека", "Царь Голод"

- произведения Л.Н.Андреева.

"Вот лирическое сочинение рабочего Малышева..."

- Малышев С.В. (ум. 1938) - профессиональный революционер, старый большевик, рабочий по происхождению; автор воспоминаний "Встречи с Лениным", "На пролетарских ступенях" и др., а также ряда повестей и рассказов.

"Жизнь есть борьба..."

- из стихотворения М.К.Савина "Борьба".

"Только трудом..."

- из стихотворения Ф.С.Шкулева "Гимн труду".

"Я не хочу земли обетованной..."

- из стихотворения Н.Боровского "Не увлекай меня красивыми мечтами..."

"Хочу я быть певцом отчизны..."

- из стихотворения Я.И.Морозова-Щероковского "Моя мечта".

"Я не могу склониться..."

- из стихотворения Е.Е.Нечаева "Язычица".

"...ряд других сборников "писателей из народа"..."

- М.Горький, по-видимому, имеет в виду сборники: "Родные звуки, сборник стихотворений писателей-самоучек", вып.1, М. 1889; вып.2, М. 1891, "к заветной цели! Литературный сборник", издание "Кружка писателей из народа", 1904, и другие.

"Приведу одну из таких биографий..."

- речь идёт о биографии и творчестве сибирского писателя И.И.Тачалова.

"Принциписты-самоубийцы"

- точное название произведения А.А.Шкляревского "Самоубийцы-принциписты".

"Что такое талантливый человек?"

- в очерке "Лев Толстой" М.Горький приводит высказывание Л.Н.Толстого в следующей редакции: "Талант - это любовь. Кто любит, тот и талантлив. Смотрите на влюблённых, - все талантливы!".

"...перевоспитать только приёмами доктора Моро."

- Имеется в виду герой научно-фантастического романа английского писателя Г.Уэллса "Остров доктора Моро".

О писателях-самоучках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
"...шесть изданий книги..."

- речь идёт о книге черносотенца И.А.Родионова "Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни". Первое издание её вышло в 1909 году. По поводу этой книги в одном из своих писем М.Горький говорил, что автор её рекомендует "водворить мир посредством виселиц" (см. журнал "Современник", 1911, номер 2, февраль, стр.300).

"...мне не надо упоминать об успехе народного университета Шанявского..."

- Имеется в виду "Народный университет", организованный в Москве в 1905-1908 гг. А.Л.Шанявским.

"...мудрецы и поэты, хранители тайны и веры..."

- из стихотворения В.Брюсова "Грядущие гунны".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!